

Российская академия наук
Институт восточных рукописей (Азиатский Музей)

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Материалы международной научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения
С.Г. Кляшторного

Москва
Наука–Восточная литература
2019

И.А. ФУКАЛОВ*

Сакральная специфика власти у верховных правителей федерации кимаков

Автор исследует историю сложению кимакской федерации, в которую первоначально входило семь племен. Он отмечает эволюцию сакрализации титула: из *шада* — наместника, правящего своими племенами, после падения каганата уйгуров, правитель кимаков берет титул *ябгу*, затем *ябгу* (*жабгу*) кимаков берет себе титул *каган*. *Хакан* наследовал власть — а значит и ее сакральный статус. Основным оставался культ Неба-Тенгри, крайне важным фактом является упоминание о культе огня у кимаков и роли кагана в нем: каган кимаков выступает как первосвященник Религиозный фон сакрализации власти у кимаков сохранялся от предков — те же обрядовые нормы, гипотетически должен был сохраниться обряд инициации и интронизации кагана как верховного правителя федерации крупных племен.

Ключевые слова: сакральность, кимаки, титул *шад-тутук*, семь племен, власть, культ Неба-Тенгри.

DOI: 10.25882/m2aw-ec44

Государственность кимаков и сакральная специфика их верховных правителей по сей день остаются малоизученным аспектом истории евразийского степного пояса во времена раннего средневековья. Кимаки являются одним из видных тюркских этносов средневековья. Им принадлежала большая территория от Верхней Оби до Нижней Волги и от низовий Сырдарьи до сибирской тайги в период с IX по XI в. Однако они довольно слабо изучены, в основном из-за того, что письменные памятники, где они описывают себя сами, пока не обнаружены. Китайские источники также не проливают достаточно света на кочевое государство-федерацию кимакских племен. Все, что нам из-

* Иван Алексеевич ФУКАЛОВ — кандидат исторических наук, и.о. доцента Бишкекской финансово-экономической академии (Бишкек, Кыргызстан); fukalov1988@mail.ru

вестно о них, дошло через сочинения средневековых арабо-персидских путешественников.

До сих пор ведутся споры о точном происхождении кимаков и составе их племен и родов. Распространенные в Верхнем Прииртышье в эпоху раннего средневековья погребения с конем Д.Г. Савинов считает принадлежащими йемекам, которых он отождествляет с кимаками. По его мнению, йемеки были потомками одного из телесских племен — яньмо [Савинов, 1994: 95]. Г.Е. Грумм-Гржимайло считал это племя — янь-мань или янь-мэ — одним из телесских племен, населявших Тянь-Шань [Грумм-Гржимайло, 1926: 256, 269]. С.М. Ахинжанов полагал, что йемеки, или яньмо, были «исконно тюркским» племенем, которое жило в верховьях Иртыша с VII в. [Ахинжанов, 1989: 89]. Поэтому погребения с конем и оградки с изваяниями в Верхнем Прииртышье Ю.С. Худяков связывает с культурой древних тюрков Западно-Тюркского каганата [Худяков, 2007: 91]. Это позволяет нам прийти к заключению, что кимакский союз родов и племен происходил из западных тюрков, следовательно, от них пошло наследование титулатуры правителей.

Изначально, в период Западно-Тюркского каганата глава федерации кимакских племен носил титул *шад-тутук*. Это титул главы племени, который не нес особого сакрального статуса, однако неоднократно встречается в письменных памятниках. По свидетельству Махмуда Кашгари, у народа каи (т.е. кимаков), так же как у татар, был «свой язык» и в то же время они хорошо владели тюркской речью. Из исторических сведений известно, что племя каи, или си (хи), последовательно входило в состав каганатов, возглавляемых древними тюрками, сеяньто и уйгурами [Ахинжанов, 1989: 113–114]. Можно отметить параллели с кыргызами, которые также входили в состав данных кочевых государств, с одной стороны, сохраняя титулатуру собственных правителей, с другой — заимствуя или получая титулы от каганов тюрков или уйгуров. Кимакская федерация сложилась в IX в., и в нее первоначально входило семь племен: имак (йемек), ими (эймюр), байандур, татар, ланиказ, аджлад и кыпчак [Савинов, 1984: 103–104]. Не исключено, что именно во время сложения этого степного образования, состоявшего из семи племен, появилась в степи поговорка «У змеи семь голов», приведенная Махмудом Кашгарским в фундаментальном труде «Родословная тюрков» [Kâşgarlı Mahmud, 1992: 48]. Федерация была непостоянной: титул правителя *шад-тутук* гарантировал надзор, но никак не прямое управление массой кочевников, которые, судя по всему, были еще и разноязычными.

Чтобы выяснить сакральный статус правителя с титулом *шад*, обратимся к легенде, упоминаемой Д.Г. Савиновым. Генеалогическая легенда кимаков, записанная в середине XI в. персидским историком Гардизи и известная в переводе В.В. Бартольда, является уникальным источником по этнокультурной истории народов Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана. Историческая достоверность отдельных, изложенных в ней сюжетов уже отмечалась в литературе, однако в целом информативные возможности этого памятника еще далеко не исчерпаны.

Композиционно легенда четко делится на три части, отражающие последовательные этапы сложения кимако-кипчакского объединения: появление на Иртыше после междоусобиц легендарного прародителя по имени Шад; приход семи «родственников» или предков-эпонимов, связанный с уничтожением «народа», в который они раньше входили; расселение «по горам» и образование семи племен, «названных по имени семи человек». Вполне возможно, что *шад* у ранних кимаков по происхождению был родственным правящему роду Ашина, но прямых доказательств тому нет. Однако в Западно-Тюркском каганате титул *шад* носили принцы и он имел сакральную формулу, восходящую к правящему роду [Савинов, 1992: 27].

Первый этап связан с формированием основ кимако-кыпчакского объединения, имевшего место в среде западных телеских племен. Ситуация, вызвавшая появление Шада на Иртыше, близко напоминает события, связанные с распадом одного из наиболее крупных телеских племен середины VII в. — каганата Сеяньто в 645 г. (династийная борьба, убийство старшего брата) [Савинов, 1992: 28]. Здесь, как мы видим, Шад уже стал не только титулом, но и именем собственным — обрел сакральную функцию. Убийство старшего брата, обретение титула-имени — это свидетельство формирования наследной и при этом сакральной фиксации власти, закрепленной титулом.

Второй этап связан с падением Уйгурского каганата в 840 г. и широким расселением входивших в него племен. Среди предков-эпонимов кимаков названы племена, бывшие ранее в составе Уйгурского каганата (например, байандуры-байаты и ими-эймюры). У ал-Масуди (середина X в.) упоминается сложный этноним «кимак-югур» для выходцев из Уйгурского каганата в составе государства кимаков. Возможно, при этом были покорены кипчаки. По «Худуд ал-Алам» (середина XI в.), «кыпчаки более дикие, чем кимаки. Их царь назначается кимаками». Через более чем 150 лет статус *шада* позволяет назначать правителей подчиненным племенам. Имеются основания предполагать, что на Иртыш переселилась и какая-то часть самих уйгуров.

Сведения об этом сохранились у Абуль-Гази (XVII в.), заимствовавшего их у Рашид ад-Дина (начало XIII в.) [Кумекон, 1972: 81–92]. Известно, что ранняя монгольская культурная традиция была тесно связана с уйгурской. О. Прицак указывает, что происходило смешение тюркской и монгольской общностей, с примесью уйгурской. Момент истории был крайне сложен — утверждалось кыргызское великодержавие, которое уничтожало уйгурские институты власти [Pritsak, 1951: 13–14]. Судя по археологическим данным, к этому времени относится расцвет культуры прииртышских кимаков. В числе прочих здесь появляются погребения со шкурой коня, которые в Центральной Азии считаются уйгурскими [Pritsa, 1951: 29].

Третий этап связан с расселением кимако-кыпчакских племен «по горам», которое должно было привести к ассимиляции местного населения и образованию ряда самостоятельных владений, каковыми были упоминаемые в «Худуд ал-Алам» области Андар-аз-Кыфчак и Йагсун-Йасу, население которых обладало смешанными культурными традициями. С этой же точки зрения следует оценивать зафиксированные письменными источниками этнографические особенности кимаков, представляющие культуру различных этносов в составе кимакской федерации [Кумекон, 1972: 118–119]. Титул *шад* «кочевал» вместе с самой общностью кимакской федерации, и благодаря тяжелой борьбе за выживание в эпоху изменения всех границ и становления новых государств в Центральной Азии он обрел у кимаков сакральное значение. Легенды укрепляли статус сакральности титула *шад*, который из обычного обозначения наместника стал титулом «царя», по утверждению Гардизи.

Уйгурский каганат играл роль главного законодателя в VIII — начале IX в., но его политика подавления подчиненных этносов и племен не пошла ему на пользу. Енисейские кыргызы нанесли по нему страшный удар в 820 г., и каганат распался навсегда. После распада Уйгурского каганата в 840 г. часть подчиненных ему племен вошла в состав кимакского племенного союза, и глава кимаков принял титул *жабгу* (*ябгу*). С момента ослабления кыргызского великодержавия, а также из-за удаленности ставки карлукского *джабгу* в конце IX — начале X в. кимацкий предводитель принял официальный титул *хакан* (*каган*), и с этого времени в арабских источниках появляется первое упоминание о государстве кимаков — Кимакском каганате [Кумекон, 1972: 120]. Кимакская федерация быстро набирала силу и даже представляла угрозу кыргызам, на что косвенно указывают арабские источники.

Титул *байгу*, который приводит Б. Кумеков, отражает сочленение двух титулатур: тотемной и старотюркской [Кумеков, 1972: 121–123]. Нам стоит лишь отметить эволюцию сакрализации титула: *шад* — наместник, правящий своими племенами, правитель кимаков, после падения каганата уйгуров принимает титул *ябгу*, как бы показывая, что они, кимаки, равны по власти и силе своим южным противникам — карлукам. Очевидно, «управители»-ханы находились в вассальной зависимости от *кагана*, у них, в свою очередь, были вассалы, получавшие от них земельные наделы, из числа богатой родовой аристократии. Гардизи очень определенно говорит об имущественной неоднородности кимаков, а ал-Идриси подчеркивал, что «только знатные носят одежду из красного и желтого шелка» [Golden, 1992: 180].

Социальное неравенство было явным, и это отмечали арабские географы: правитель был отделен не только сакральным статусом, но и имущественной границей. Лишь в момент ослабления сильных противников кыргызов и карлуков *ябгу* (*жабгу*) кимаков берет себе титул *каган*, который наследовал власть, а значит и ее сакральный статус [Pritsak, 1951: 60]. Управители племен являлись в то же время и военными вождями, что повторяло структуру наместничества у тюркских и Уйгурского каганатов. Однако государственный аппарат был меньше и являлся бледной копией былого тюркского могущества. *Каган* назначал царей из местной племенной элиты, своеобразных «вассалов», при этом его власть оставалась главнейшей и несла на себе сакральный отпечаток [Кляшторный, 2005: 171].

Основным оставался культ Неба-Тенгри, однако часть кимаков заимствовали от уйгуров манихейство, а от южных соседей проникал ислам. Крайне важным фактом является упоминание о культе огня у кимаков и роли *кагана* в нем. *Каган* кимаков выступает как первосвященник, определяя по цвету огня, что необходимо делать в будущем. Религиозный фон сакрализации власти у кимаков сохранялся от предков: гипотетически должен был сохраниться обряд инициации и интронизации *кагана* как верховного правителя федерации крупных племен. Это косвенно подтверждается сообщением ал-Хорезми, который так комментирует тюркскую титулатуру: «Хакан — это хан ханов, то есть предводитель предводителей, подобно тому как персы говорят шаханшах» [Кумеков, 1972: 116].

Сохранили кимаки и тюркскую традицию установления балбалов. Изваяния, воздвигаемые у курганов-святилищ, сооруженных в виде квадратных оградок из битого камня и щебня, являются самой харак-

терной и яркой чертой культуры кимаков. Статуи представляли собой простые неровные стелы, нередко без всякой детализировки фигур. Лица у них прочерчены глубокими врезными линиями, часто «сердечками». Женские статуи отличались от мужских изображениями круглых «грудей». Сооружение небольших святилищ-оградок, посвященных предкам, со статуей (или статуями) внутри стало отличительной особенностью кипчаков с конца IX в. До них (в VI–IX вв.) аналогичные святилища со статуями умерших воинов и многочисленными отходящими от оградок балбалами (вереницами камней, символизирующими убитых умершим предком врагов) ставились тюрками [Плетнева, 1974: 161].

Каган кимаков стал действительным и легитимным, т.е. способным назначать и определять племенную знать. При таком небольшом количестве нарративных источников возможно лишь констатировать заимствование кимаками сакральных компонентов верховной власти у прежних «властителей» евразийского пояса степей — древних тюрков и уйгуров. После падения Кимакского каганата его традиции в сакрализации верховной власти наследовали кипчаки.

Литература

- Ахинжанов, 1989 — *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1989. 292 с.
- Грумм-Гржимайло, 1926 — *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926. 896 с.
- Кумеков, 1972 — *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
- Кляшторный, 2005 — *Кляшторный С.Г.* Степные империи: рождение, триумф, гибель // *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
- Плетнева, 1974 — *Плетнева С.А.* Половецкие каменные изваяния. М., 1974 (Свод археологических источников. Вып. Е4-02). 200 с.
- Савинов, 1992 — *Савинов Д.Г.* К исторической оценке генеалогической легенды кимаков // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений. 1990–1991. СПб., 1992. С. 27–29.
- Савинов, 1994 — *Савинов Д.Г.* Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994. 214 с.
- Худяков, 2007 — *Худяков Ю.С.* Золотая волчья голова на боевых знаменах: Оружие и войны древних тюрков в степях Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 192 с.

-
- Drompp, 1991 — *Drompp M.R.* Supernumerary Sovereigns: Superfluity and Mutability in the Elite Power Structure of the Early Turks (Tu-jue) // *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*. Vol. 2. Nomads: Masters of the Eurasian Steppe. Los Angeles: Ethnographics Press, 1991.
- Golden, 1992 — *Golden P.B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Harrassowitz, 1992. 484 s.
- Pritsak, 1951 — *Pritsak O.* Von den Karluk zu de Karachaniden. Munchen, 1951.
- Kasgarli, 1992 — *Kâşgarli Mahmud.* Divanü Lûgat-it-Türk. Cilt I. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1992. 530 b.